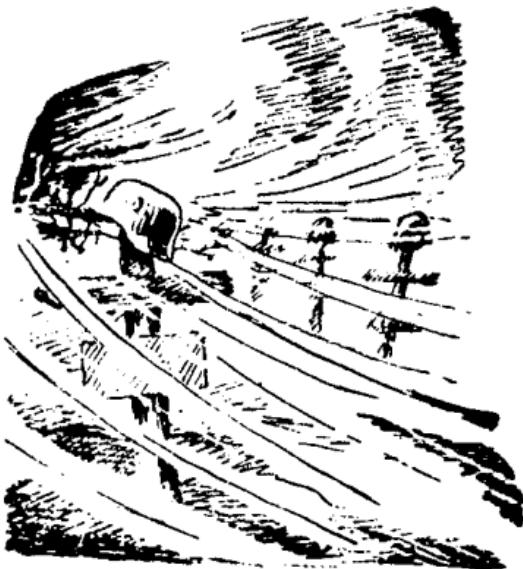

В.Л. Рудов

Головоріт Документи

Советский Гибсона
1941

ВЛ. ЛИДИН

Говорят
Документы

Советский Гигантъ
104.1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Штрафной журнал одной из рот разгромленного немецкого полка, штабные документы, приказы с надписью „Совершенно секретно“, порнографические стишкы, сочиненные на досугеunter-офицерами, любительские фотоснимки господ офицеров, сделанные во всех странах Европы, где прошлись „победители“, железные кресты и регалии, дневники и письма, и письма, и письма... Письма жен мужьям на фронт, письма мужей женам с фронта. Письма с засушенными цветами и письма, пробитые меткой пулей наших бойцов.

Эти документы опровергают официальные донесения и бравые выкладки официальной германской пропаганды. Письма жен мужьям на фронт повествуют, с одной стороны, о трагической тяжести жизни сегодняшней воюющей Германии, с другой стороны, разоблачают нравы и истинное поведение немецких солдат в захваченных странах и об-

ластих. За ранее состряпанные утешения близким на случай гибели немецкого солдата с такой же цинической откровенностью разоблачают приемы казенного сочувствия. Содержимое бумажника убитого ефрейтора получает продолжение в дневнике убитого фельдфебеля: все они привыкли хорошо пожить, попользоваться дешевым добром в захваченных областях, послать посылочку домой любящей жене и соблазнить гимналистку где-нибудь в далекой Болгарии...

Документы эти не приукрашены рукой литератора. Они сами говорят за себя, их можно было бы набрать еще десятки и сотни, чтобы убедительней показать духовное существо врага, его низкую мораль, прикрытую громким и трескучим ассортиментом казенных восхвалений германской армии.

Автор.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

„Унтер-офицер Фриц Хассе из Дюссельдорфа. В случае несчастья сообщить: полевая почта № 05510/105.

Рост 178, ботинки 44, ширина воротничка—38. Шляпа—58“.

Как видите, малый рослый, ботиночки № 44 тоже надо для него поискать. Записная черная кожаная книжечка на немецком языке, но выпущена в Париже: „Издательство „ОДЕ“, 10, ул. Марбейф. Книжечка содержит, помимо календаря, 100 французских фраз, надо думать, для обихода немецкого солдата в Париже.

Несколько примеров:

Раздел I. Беседа.

Вопрос: Не хотите ли вы сегодня со мною поужинать?

Ответ: Охотно.

Есть другой вариант: Нет, господин, благодарю, но я уже занята.

Как видите, все приспособлено в интересах немецкого солдата. Париж—город, по традиции, веселый, и нужно в нем времени не терять и развлекаться.

В разделе II „Метро“ поиски нужного направления ограничиваются „Площадью Согласия“ и „Могилой неизвестного солдата“. Повидимому, означенные две площади считаются особо показательными для удовлетворения любознательности современного завоевателя.

Правда, отделы „В театре и кино“ и „В отеле“ несколько шире. Там немецкому солдату, которому трудно управиться с французским языком, даются в немецкой транскрипции такие, например, фразы: „Есть ли у вас комната с двумя кроватями?“

Все предусмотрено в этом путеводителе по завоеванному городу. В разделе „Кафе“ немецкому солдату преподано, что именно в означенном заведении лучше всего требовать. А лучше всего требовать: „Дайте мне кофе с молоком“, „Чай с ромом“, аперитивы Перно, Синзано, Дюпонне, мороженое. „Дайте мне землянику с шоколадом“, „Дайте мне пирожное“.

Как видите, немецкий солдат или офицер охулки на руку в парижском кафе не положит.

Привлекательнее всего раздел: „Универсальный магазин“.

— Я хотел бы купить многие сувениры о Париже.

— Что можно купить в этом магазине?

— Есть ли там ресторан?

— Где продовольственный отдел?

Как известно, этот раздел пользовался у немецких офицеров и солдат наибольшим успехом. Париж был „раскуплен“ (для этого

потребовалось только несколько тонн бумаги, чтобы напечатать фальшивые деньги) всего в несколько недель.

Вслед за этим разделом следует перечисление наиболее употребительных во Франции кушаний. Не ищите здесь какое-нибудь грубое блюдо вроде лукового супа. Нет, здесь начинается прямо с устриц, сардин, тунца (свежий в масле), венгерского гуляша, свинины со свежими бобами, помидоров, жареных с картофелем, минеральной воды: Виши, Виттель, Нернье, дыни на льду, персиков и ликеров. Губа у господ немецких офицеров и солдат не дура, и на простонародные блюда запасы слов тратить не зачем.

Далее следует статейка: „Что нужно знать в стране вина?“, украшенная красноватой гроздью винограда. А знать нужно следующее: Франция является величайшей страной вина, повествуется во вступлении. — Во Франции обращается на сохранение и сервировку вина особое внимание... Слабые вина предпочтительнее крепких, сухие—сладких и подслащенных. Рекомендуется: красное бордо или красное бургундское, белое сухое бургундское и сухое шампанское. Красным вином лучше всего запивать телятину, баранину, дичь и птицу. Белым: рыбу, мясные блюда с гарниром из риса, сыры, дыню.

Словом, целая программа гастрономических действий в завоеванном городе.

Соответственно к этому приспособлен приложенный словарик: аппетит, ариец, апельсин, заражение, булочная, похороны, гроб, бог, голод, подружка и т. д. Словарик

крохотный. Но слова в нем подобраны со смыслом.

Далее следуют прогулки по Парижу и окрестностям и по Версалю.

Что удалось из всех этих перечисленных благ жизни вкусить унтер-офицеру Фрицу Хессе из Дюссельдорфа, мы не знаем. Но что во всю длину своего 178 см. роста он остался лежать в русской земле, как и тысячи других таких же солдат и офицеров, это нам хорошо известно. Путеводителя по нашей стране дождаться ему не пришлось. Музеев и достопримечательностей наших городов он не увидел и тонких блюд в ресторанах тоже не вкушал. Просим простить: мы гостеприимны только в отношении гостей, которых мы приглашаем, а для непрошеных гостей—что ж, страна наша велика и людей роста в 178 см. мы можем, совершенно незаметно и не нарушая пейзажа, уложить на ней не один миллион человек.

ОНИ ФОТОГРАФИРУЮТ...

Они любят фотографировать... Почти у каждого немецкого офицера есть с собой фотоаппарат. Они возят в своих бумажниках и полевых сумках кипы эт. х фотографий, живые документы домашней жизни, хорошо проведенного дома отпуска и разрушений, которые произвела на своем пути германская армия... Так же, как своих детей или домочадцев, они любят снимать эти разрушения. Они с садистическим любованием

снимают самое подлое и низменное, что содеяла германская армия на своем пути. Груды этих фотографий попадают к нам вместе с письмами и документами штабов, разгромленных германских полков и частей. Немцы пропутешествовали от Брюсселя, Антверпена и Парижа до Афин и Белграда... Надо сказать, что таких туристов Европа еще не видела. Правда, они щелкали своими „лейками“ и „контаксами“, как заправские туристы, но треск их аппаратов заглушался треском пулеметов и автоматических ружей.

Очень приятно снять на память вечеринку: группа немецких солдат чокается пивными кружками с толстой хозяйкой пивной под вывеской „Газельбахское пиво“. Приятно сняться с невестой в подвенечном платье или с любящей женой. Очень увлекательно сняться где-нибудь возле церкви Мадлен или какого-нибудь ресторана в Париже. Как знать, когда еще попадешь в Париж—и придется ли? Можно потешить воображение портретом красотки, окружив ее гирляндой вожделеющих однополчан.

Но это, так сказать, элегическая сторона офицерского времяпрепровождения. Дальше начинается „боевая деятельность“. Разрушения, причиненные столице маленького германского народа Югославии—Белграду, взорванные мосты и разрушенные здания в Греции, обездоленные, нищие, сироты вдоль железной дороги в Бессарабии, оборванные греческие солдаты, женщины с детьми, жертвы бомбардировок, гибель, слезы, кровь—все это с холодным последователь-

ным любопытством заносят „туристы“ на пленку, чтобы потом дома, на досуге, в кругу любимой семьи, освежить впечатления.

Приятно топтать сапогами чужую французскую землю, распивать в ресторанах вино и снимать на память пейзажи. В Греции тоже много красивых пейзажей, и остатки Акрополя, разрушенного столетиями, подстать пейзажу, оставляемому позади себя „арийскими туристами“: руинам, развалинам, разрушенным зданиям и взорванным мостам...

Они привыкли путешествовать неспеша, разнообразить меню национальными кушаниями в различных странах, сниматься на память, например, возле Триумфальной арки в Париже, или в Афинах возле Акрополя; или верхом на ослике в Югославии. Они привыкли возить с собой офицерские чемоданы, наполненные награбленным добром, парижскими чулками, бельгийскими кружевами, банками с голландским какао, коробками греческого табака и югославскими вышивками. Они выхлебали все вина во Франции и планомерно, как саранча, опустошали магазины Брюсселя, Парижа, Антверпена, Белграда, Афин и магазины „союзников“ в Софии и Бухаресте. Офицерские фотоаппараты щелкали. Туристы расплачивались „военными марками“, бумажным сором, который отпечатали лишь в порядке издевательства над завоеванными странами. Чемоданы распухали от „покупок“. Почта была завалена посылками домой. Фотоателье проявляли любительские офицерские снимки.

Они думали то же повторить и у нас. Они

приехали со своими фотоаппаратами и чемоданами. Их любящие жены интересовались русскими чулками и бельем, сыром и маслом. Наша страна оказалась менее гостеприимной. Вместо сыра и масла они получили свинец, а снимать своими фотоаппаратами русские пейзажи им не пришлось: не осталось времени. Русских фотоснимков они домой не привезут. Зимним вечерком, предаваясь воспоминаниям, они не перелистывают альбомов с наклеенными фотографиями, которые могли бы напомнить о кровавых делях германской армии на русских полях. Единственный русский пейзаж, который могли бы германские офицеры снять на память и для назидания—это тысячи немецких могил на наших полях.

МЕД И ПЧЕЛКИ

Старший фельдфебель 305-го пехотного полка Карл Бауман вел регулярные записи своего похода в Россию. С неукоснительной точностью записывал он каждый день все события и личные переживания. Событий было много, переживания вращались, главным образом, вокруг вопросов еды и в частности... меда. Приводим выдержки из дневника.

„22 июня.

3. 15. Война с Россией. Переход через Прут в 2 ч., исходная позиция в Скулени. Говорят, в России хороший мед.

25 июня.

2 ч. Наша атака отбита.

26. 27. 28 июня.

20 ч. Наша танковая атака отбита. Но надо снова итти вперед. Похоронен Генрих Гаас.

29 июня.

Полевая позиция в Блиндешти. Нападение русских в 18 часов.

2. 3. 4 июля.

Сильное сопротивление русских (Абель и Кульмбах убиты, Бойерле и Кентер, Маккер, Хайслер—тяжело ранены).

9 июля.

11 ч. Выступление. Отдых. Русские самолеты—отдых прерван.

11. 12 июля.

Прибытие в Сгура в 12 ч. (еврейская деревня, пожары и грабеж).

23. 24 июля.

В 20 часов переход через Днестр. Атака русских на бреющем полете. В 22 ч. снова воздушная атака в Качковке (Гофман убит, Шилле и Шмидт—ранены). Оживленная деятельность русских самолетов. Очертаниями они напоминают ичел.

28 июля.

Убит Раумаер.

7 августа.

Александровка. Дождь. Расположились в крестьянском доме. Наконец мы достали мел. Блаженство было бы полным, если бы не бомбежка с воздуха.

9 августа.

Поход в 7 ч. в Михайловку. Прибытие в 3 часа. Хороший отдых, кровать, салат из помидоров. Пошарили у крестьян, и вот я обжираюсь медом.

11 августа.

Выход в 6 ч. Отдых в фруктовом саду. Осталось немного меда из Михайловки. Мед—прекрасная вещь!..

20 августа.

Прибытие в Бобринец в 6 часов. Отдых—фруктовый сад, кровать, пиво и чудный мед. Решено: я остаюсь в России. Здесь можно будет даром заполучить огромную пасеку вместе с рабочими. Эмма приедет сюда, и мы будем жить, как в раю.

29 августа.

Воздушное нападение. Позиция на высоте у школы. Сильный артогонь.

30 августа.

9 человек убитых, 3 человека раненых. Сильный артогонь, воздушная атака.

31 августа.

Русские бомбят с воздуха...“

Вобщем, мед действительно был. А потом прилетели пчелки. Пчелка ужалила старшего фельдфебеля Баумана, и ему пришлось расстаться и со своим дневником, и с надеждами на хорошую жизнь. Любители чужого меда должны знать: наши пчелки больно кусаются.

МАРОДЕРЫ

Захватывая села и города, немцы прежде всего принимаются за планомерный грабеж. Грабеж заслоняет иногда даже военные цели. Они грабят все, начиная от продовольствия, кончая домашней утварью, женским бельем и мелкой разменной монетой. В офицерских чемоданах и солдатских вещевых мешках можно найти полный ассортимент товаров универсального магазина.

Вот выдержка из специального доклада „Уполномоченного Генерального командования“ под заглавием „Доклад о грабежах и разрушениях в населенных пунктах Советской России, занятых германскими войсками“.

„УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
ГЕНЕРАЛЬНОГО
КОМАНДОВАНИЯ
КОМАНДНЫЙ ПУНКТ

24.7. 41 г.

Для того, чтобы получить данные о том, что в основном вызваны большие разрушения в домах, на квартирах, а также ограбления магазинов, лавок и складов, я перешел в В. вскоре после занятия этого города нашими частями.

В В. восточной, которая до 19.00 находилась под контролем противника, я к 18.00 20.7. 41 г. установил следующее: государственные магазины были планово эвакуированы и находились в смысле сохранности помещения и оборудования в сносном состоянии.

Населения не было видно. К 19.00 я наблюдал, как несколько солдат из проходящей мимо части, вооруженные ломом, врывались в забаррикадированный магазин. Несколько солдат вошло в магазин, но скоро покинуло его, не взяв ничего. В данном случае речь идет о магазине, который торговал скобяными и железными изделиями. Тотчас же начался поголовный грабеж. К следующему утру почти все магазины, которые накануне были закрыты или поверхности ограблены, оказались почти полностью опустошенными. Немецкие войсковые чины, которые в течение ночи вошли и расположились в В. восточной, участвовали в поисках предметов потребления среди товарных остатков.

Утром я передвинулся в В. западную, где находятся главные торговые улицы. Здесь все магазины и лавки были полностью опустошены, а оборудование разрушено.

Низшие чины одной дивизии, а также колонны наших войск, офицеры и чиновники прочесывали город и разбирали товары в магазинах и складах. Патрули, высланные после полудня, чтобы прекратить грабеж, ничего не могли сделать. Я наблюдал, что солдаты, тотчас же после того, как патруль прошел мимо, снова устремлялись в магазин-

ны. Возгласами и знаками давалось знать о приближении патруля. На магазинах, торгующих оптикой и фармацевтическими товарами, были прикреплены доски с объявлением, что вход в магазин запрещен и что его содержимое объявлено конфискованным. Это не помешало солдатам подвергнуть эти магазины после повторного взлома новому ограблению. В этом снова приняли участие офицеры; кроме установленного факта, 100 солдат участвовали в разграблении товарных остатков. Следует указать, что нигде ни один начальник не воспрепятствовал этому. Люди покидали в отдельных случаях машины и повозки без головных уборов и снаряжения, бродили вокруг, далеко отходя от своих машин и повозок.

В остальном установлено, что солдаты не только разграбляли, но и разбивали оборудование, это имело место особенно в государственных зданиях.

Точно так же, как это имело место в К. и Б., так же и в В. можно было наблюдать, как военные громили оборудование и выбрасывали из окон различные предметы, не думая о том, что этим они вредят следующим частям. В одном из наблюдавших мною случаев солдаты ночью ворвались в школу, которая, за исключением нескольких разбитых окон, находилась в хорошем состоянии, и выбрасывали стулья, книги и бумаги через закрытые окна, чтобы освободить классную комнату для ночлега. При этом в школе были широкие коридоры, где все эти вещи могли быть сложены. Можно считать,

что солдаты обуяны всеобщей жаждой уничтожения".

Так с усердием зарабатывают немецкие солдаты славу грабителей и мародеров. Слава эта увековечена в специальных приказах. Германское командование обеспокоено не тем, что грабят, а тем, что в азарте грабежа солдаты и офицеры забывают свои военные цели. Потные, без головных уборов, бросив машины посреди улицы, они тащат в захваченном городе все, что плохо лежит. Офицеры не уступают солдатам. Полное „взаимодействие всех родов оружия", дневная атака, которая называется простым грабежом.

ТРУДЫ И ДНИ ЕФРЕЙТОРА МАРТИНА ЛЕИХНЕРА

Кожаный бумажник ефрейтора 123-го стрелкового полка Мартина Лейхнера. Доставлен среди прочих документов штаба разгромленного полка. Содержимое бумажника перечисляет поступки и намерения Мартина Лейхнера. В его солдатской книжке сохранился портрет бравого малого, не дурака пожить на этом белом свете.

Перечисляем документы по порядку.

1. Врачебное свидетельство—обследование ефрейтора Мартина Лейхнера. Текст: „Мы удостоверяем, что по врачебном исследовании для вступления в брак означенного Лейхнера не встречается никаких препятствий и что его брак соответствует интересам общества". Городской врач. (Подпись).

2. Врачебное свидетельство, выданное невесте фрелейн Елене Мусновской родом из Дюисмунда, рождения 10.5.1920, в том, что по обследованию во врачебных и наследственных целях препятствий к ее вступлению в брак не встречается.

3. Присяга Елены Мусиновской: ознакомившись с § 156-м Уголовного кодекса, она клятвенно заверяет, что ей неизвестны никакие обстоятельства, которые могли бы ее заставить предполагать, что ее родители или дедушка и бабушка не принадлежали к германскому племени и имели какое-либо отношение к „неарийскому обществу“.

Эти тщательно сколотые свидетельства—своего рода предисловие к жизни и деятельности ефрейтора Мартина Лейхнера.

Далее Лейхнер покинул родину и оказался среди немецких войск во Франции.

4. Неоплаченный счет торгового дома „Гриттен“ в Люксель-ле Бен, 5, ул. Виктор-Жену, на 12 гарнитур дамского белья.

5. Фотография неких Женни и Генриэтты с надписью на обороте: „На память об одном веселом вечере в Сомюре“.

6. Открытка невесты Елены Мусиновской, в которой та пишет, что белье, присланное из Франции, действительно оказалось восхитительным. Как насчет духов? Ведь Франция славится своими духами.

Далее бравый ефрейтор оказался в Болгарии.

7. Адрес на отдельном листке: „Фрелейн Цанка Стаменкова. Улица Кенали, № 9, София, Болгария.

8. Письмо означенной Цанки (по-немецки): „Мой дорогой Марти, ты теперь уже далеко. Я все время вспоминаю тебя. У нас в школе все еще каникулы, но скоро начнутся занятия. Когда кончится, наконец, эта война и ты вернешься сюда, чтобы мы могли пожениться? Я так мечтаю об этом. Твою карточку я храню под подушкой, и она всегда со мной во время сна...“.

Дальше из письма Цанки выясняется, что ефрейтор Лейхнер воспользовался в Софии наивностью 17-летней школьницы. Это не помешало ему, как свидетельствует письмо из Дюисбурга, послать невесте из Софии саквояж с бельем и чулками.

Затем ефрейтор двинулся завоевывать СССР. Его беззаботная жизнь на этом закончилась.

9. Недописанное письмо Лейхнера: „Вокруг нас настоящий ад. Я никогда не думал, что война может быть такой тяжелой. Вчера после ожесточенного боя мы заняли городок Ровно. Это город, в котором живет 25—30 тысяч жителей. Тут можно было кое-что увидеть. Не делаем ли мы ошибки, что так жестоко расправляемся с пленными? Боюсь, что русские будут нам мстить. Я буду счастлив, когда мы выберемся, наконец, из России. Все магазины мы нашли опустошенными теми, кто прошел впереди нас... Всегда постараюсь кое-что подыскать для тебя.

10. Воинский билет ефрейтора Мартина Лейхнера с вложенной в него выпиской из журнала наказаний. По приказу полковника

и начальника батальона Бойе ефрейтор Мартин Лейхнер присужден к 21 дню строжайшего ареста за попытку украсть 10 фунтов сала из продовольственных запасов полка, тем самым нарушив „оказанное ему доверие“.

И, наконец, последний документ: кредитный билет в 1000 рублей („думский“), отнятый на Украине у какой-нибудь выжившей из ума старушонки.

Таков список документов, хранившихся в кожаном бумажнике ефрейтора 123-го стрелкового полка Мартина Лейхнера. Опись деяний, поступков, надежд бравого малого, не дурака ложить на этом белом свете и заработавшем в суровой России только кусочек свинца,—между прочим, пробившего кожаный бумажник со всем его содержимым.

ЗАПОЗДАВШИЕ ПТИЦЫ

Они прилетели из Албании на Днепр—неудачливые вояки, прославившиеся на весь мир поражениями под Капоретто, под Гвадалахарой, в Абиссинии, в Греции... Их били повсюду, и их любвеобильные хозяева не жалели дешевой итальянской крови, посыпая их туда, где нужно было беречь дорогою немецкую. Итальянская кровь для немцев не дороже итальянских рабочих рук, которыми пользуются сейчас в Германии на опустевших полях и заводах.

Путь к Днепру лежал через Бухарест,

затем через Балту. Они летели на своих истребителях „Капрони С-200“ тихоходных, почти незащищенных машинах, в которые не сел бы ни один уважающий себя немецкий летчик. Но это были итальянцы, „союзники“, что на немецком военном языке значит: дешевый товар, объект вынужденного сожительства по обстоятельствам военного времени, армия, высмеянная в свое время Бисмарком, а в наше время влиятельным генералом Рундштедтом!

„Если Италия будет противником Германии, — писал этот авторитетный знаток, — то достаточно будет 20 дивизий, чтобы ее разбить. Если она останется нейтральной, надо будет для охраны держать 30 дивизий на ее границах. Если она будет союзником, нужно будет 40 дивизий, чтобы ее выручать“.

Итальянцы летели на своих истребителях. Директивы были немецкие. Бензин был немецкий. На посадочных площадках и аэродромах хозяиничали немцы, с которыми едва можно было объясниться.

Первой же пулеметной очередью наших метких пулеметчиков с земли три машины из десяти были сбиты. Из летчиков спасся только один, успевший спрыгнуть с парашютом.

Лейтенанту Лорису Нанинни 25 лет, он родом из Пистойи, где работал на фабрике в качестве гравера. Меньше года назад его призвали из запаса, направили в Албанию, затем на восточный фронт в помощь Германии. Он летел помогать Германии на сво-

ем истребителе, потому что у немцев не хватает истребителей, и в плохом хозяйстве „пригодится и веревочка“.

Лорис Нанини летел над русскими полями, начиналась осень, и итальянец, несмотря на свой теплый комбинезон с воротником из обезьяньего меха, зябнул и с недоумением глядел на чужие поля. Немцев итальянцы не любят. Брак между ними был не по любви, а по расчету. Жених обманул невесту. Он кичился богатством—он оказался беден. Он обязался не пользоваться провинциальным приданым невесты—он ее ограбил в первый же месяц. Кроме того, она уверена, что он ей изменяет. Правда, еще торжественно встречаются и досыта кормят друг друга обещаниями Гитлер и Муссолини. Но ни тот, ни другой не представляют собой ни немецкий, ни итальянский народ. Народ несет тяжелые жертвы, теряет сыновей, отцов, братьев, мужей. Народ голодает.

Итак, обратимся к лейтенанту запаса итальянской армии Лорису Нанини. Кто ваши хозяева?—Он отвечает: немцы. — По чьему указанию вы полетели в Россию?—По указанию немцев.—На чьем бензине вы летаете?—На немецком бензине.—Что вам, итальянцам, нужно в России, что вы здесь потеряли? Он отвечает печально: „Мы—это контрибуция, которую Италия платит Германии“.

Мы, т. е. итальянский народ, оплачиваем своей кровью военную контрибуцию, которую Германия наложила на Италию. Конечно, есть в Италии и добровольческие вой-

ска, их с шумом и оркестрами провожали на „борьбу с большевизмом“. Было раскупорено несколько бутылок недорогого шампанского, оркестры играли военный марш, и чернорубашечники казенными осипшими голосами возглашали здравицу „дуче“. Но итальянский народ не хочет воевать. Итальянский народ вообще не любит воевать. Итальянский народ уже голодает три года, несет неслыханные жертвы, его армия испытала неслыханные поражения. Во имя чего? Для поддержки немцев? Воевать для немцев? Но итальянцы немцев ненавидят. В Италии пороховые погреба ненависти к немцам. Нужно только поднести к этим погребам спичку.

Германская военная машина устроена так, что она должна двигаться. Малейшая задержка в пути уже означает порчу механизма. Недостает авиации. Закон контрибуции действует, и Италия срочно посыпает на восточный фронт свои маломощные тихоходные истребители, которых англичане на Средиземном море сбивали гирляндами и которые рассыпаются от первой же очереди из наземных пулеметов.

У итальянцев, как у всех южных народов, сохраняется даже в самые тяжелые минуты чувство иронии. Лейтенант итальянской авиации усмехается, когда разговор заходит о том, что итальянцы вообще не любители воевать. И только тогда, когда разговор заходит о немцах, внимательный наблюдатель заметит огонек ненависти и ожесточения в его глазах...

Первые итальянские ласточки появились над нашими советскими полями поздно, когда птицы уже собирались в стаи и улетели. В условиях знойной Африки итальянцы уже пробовали воевать, но безуспешно. Теперь приходится пробовать в условиях суровой русской зимы.

Еще тридцать — сорок тысяч жизней итальянских солдат, — что это для гитлеровской Германии значит? Они не числятся в списках чистых арийцев эти пьемонтские виноградари, флорентийские каменщики, ка-прийские рыбаки и туринские рабочие...

ГОВОРЯЩЕЕ ПИСЬМО

Восемь страниц плотной хорошей бумаги, исписанной карандашом. Письмо начато 1 июля и с перерывами писалось до 3 июля. 3 июля автор этого письма, лейтенант германской армии Гейнц Адам, был взят в плен.

Письмо, адресованное невесте, осталось неотправленным.

Вот письмо этого офицера, прикомандированного к румынской армии. Мы сохраняем этот текст со всеми лирическими отступлениями, ненавистью к союзникам-румынам и холодным цинизмом устроителя еврейских погромов.

„Дорогая невеста!

Авария с автомобилем дает нам возможность написать несколько строк нашим близким на родину.

Наш автомобиль прочно засел в грязи;

ночью шел дождь, и дорога превратилась в болото.

29-го вернулся я с моей последней разведки, причем я должен был ехать выше 3 километров по обширной долине, которая шла мимо пруда и дороги, 4 мостика на этой дороге были уже в течение нескольких дней объектом русских бомбардировщиков и артиллерии. Мы ехали шагом, так как дорога была ужасной. То и дело встречались выбоины и воронки. Когда мы достигли третьего мостика, то увидели, что некоторые германские и румынские солдаты внезапно попрыгали в рвы и щели. Я крикнул, чтобы отъехали от мостика. В 20 метрах от него мы остановились и спрятались в канаве. С величественным спокойствием направлялись на нас 8 русских бомбардировщиков.

„Они сбрасывают бомбы!“ — воскликнул кто-то. В ту же минуту вверх взлетели столбы земли и осколки бомб, сброшенных бомбардировщиками, и вместе с ними повозки, люди.

... Вчера со своим отрядом радиостов я прибыл в румынский кавалерийский разведывательный отряд. В 6-й румынской кавалерийской бригаде я встретил полковника фон Нагеля, как офицера связи. Мы пользуемся каждым случаем для беседы с солдатами германской национальности в румынской армии. Они получают, как и румынские солдаты, по 2 румынских лея в день (три пфеннига), питание и одежду, — и то и другое — дрянь. Подлог, подкуп и взятка до сих

Пор еще не вымерли в румынской армии. Многие жители провинции Семиградья тихо и незаметно покинули „этую родину“...

Мордобой теоретически отменили год тому назад, но румынский солдат груб, не имеет чувства долга, его характерные свойства—воровство, кража пищи. Румынский майор предупредил нас о том, что не следует ничего оставлять без охраны.

В городе И. разразилась маленькая революция. Стреляли в германских и румынских солдат.

... Часы напряжения перед атакой уступили место очевидным фактам. Сегодня около 3 часов утра прозвучали первые выстрелы над Прутом. Пехотинцы переправились через реку. Все идет, как надо. Без единого выстрела расширяется постройка pontонного моста. Затем русские начинают нам мешать, открывая ружейный огонь. Наши союзники отвечают на этот огонь русских беспорядочной пальбой. Результат: в течение короткого времени расстреляны все боеприпасы. Резерв лежит на другом берегу во ржи и ожидает. Командир наступающего батальона убит. Теперь пехота не выдерживает. Красные трассирующие пули поднимаются высоко. „Перенести огонь!“—раздается команда. Но позади кричат: „Стреляй сюда!“... По отступающим румынским солдатам бьет собственная артиллерия. Атака провалилась. Так продолжается до вечера.

...Был полдень, когда я со своими радиостатами из разведки занял деревушку, непосредственно на берегу Прута. Едва мы рас-

положились и начали рыть первые траншеи для защиты от воздушного противника, как нам пришлось прижаться к земле: ждут русских бомбардировщиков.

...Нас охватывает страх. Две советские 200 м/м батареи бьют по двум противолежащим высотам. Солдаты содрогались от сотрясения воздуха. Ну, если так русская артиллерия будет продолжать,—у меня становится темно на душе.

Все офицеры и многие румынские солдаты пришли к нам в отряд, чтобы чувствовать себя в большей безопасности. Как только на горизонте появлялся германский истребитель, они уже прятались в наши траншеи. Мы хотели, а два наших солдата распределяют: „Курочки, уточки, яйца—это последний наш обед у этих идиотов, перед тем, как нас убьют“. Надо благодарить судьбу, если мы сможем вернуться в немецкую обстановку.

...У нас только что были сапер и унтер-офицер из зенитной батареи. Они все стонут от наших союзничков. Доверие к ним невелико. Румынские вояки не осмеливаются днем отправляться в разведку... Благодаря случайности мы были избавлены от ожидавшегося нами огня красной артиллерии; тем не менее красные части не отказались от попытки предпринять ночью контрудар. Части нашего разведывательного отряда проделали движение в том же направлении. Как назвать это,—уклонение от боя, ошибка или еще как-нибудь? Наша вера в братьев,

пардон, в собратьев по оружию, окончательно исчезла.

Я никогда не забуду, как Пауль Кнюпф разбудил меня в половине первого. „Господин лейтенант, блюжают пули, идет горячая перестрелка, ружейная, револьверная и пулеметная. Я думаю, русские наступают, румыны пятятся назад!“ Как испуганная стая кур, окружили меня наши радисты, слышались угрозы по адресу румын.

Мне было очень интересно, что рассказывали румынские офицеры во время ужина (их еда на 200 процентов лучше, чем солдат). Мне сказали, что воспользоваться мостом для переправы нельзя, так как имеется опасность, что он заминирован; но ведь мы же должны переправиться на ту сторону. Это хитрые канальи! Как только я вспоминаю лицо этого лейтенанта, мне становится и холодно и жарко. Мне хотелось треснуть ему в его горбатый нос, в его небритое г... лицо.

В конце концов дело идет к тому, что эти благородные рыцари будут ехать и скакать позади нас. Нам пришлось вчера весьма энергично действовать против румын, когда идиотские румынские солдаты открыли стрельбу по немецким истребителям, летевшим очень высоко и быстро. Хорошо, что наша авиация этого не могла заметить; в противном случае эти внизу получили бы хороший урок в виде обильного душа бомб.

Ты видишь, Ранди, страх, нерешительность, недостаток кругозора—вот что встречаем

мы здесь на каждом шагу, вместо бодрого солдатского настроения.

У меня нет больше желания совместно сражаться с этими „братьями по оружию“.

Твой Гейнц“.

ПИСЬМА ЛИЗХЕН

Немцы любят писать друг другу письма. Надо сказать, что на этот счет дело у них поставлено хорошо. Пишут жены, тети, дяди, невесты, братья и сестры, пишут знакомые и друзья. Некоторые адресаты письма нумеруют. У одного лейтенанта оказалось целое досье: письма жены были проштампованы машинкой регистратора, и весь этот огромный агрегат он возил с собой.

Но чаще всего пишут Лизхен—маленькие, любящие, практичные, жестокие Лизхен. Они очень скучают по мужьям, которые на Восточном фронте подвергаются ежеминутной опасности, но практические перспективы отодвигают эти страшные видения.

Вот письмо некоей Гази Киндерфатер из Гебзее мужу, ефрейтору Вернеру Киндерфатеру.

„Привет, мой дорогой Вернер, мы тебе послали почтовой открыткой. Рассказывать много не приходится. Герман Бэтхер (молодой лейтенант, который живет напротив доктора Гинца) тоже убит. У нас теперь очень тяжёлые потери. Каждый день можно прочесть в газетах о новых потерях. Этого не было до сих пор ни в одном походе.

Я хочу еще пойти к Безеке по поводу швейной машины. Новая не придет никогда, и это сплошной обман, больше ничего. Шпилек нет совсем и нет также дамских чулок. Их обещают не раньше начала зимы. Есть ли какие-нибудь чулки в России? У меня есть еще несколько пар, но от частой стирки и штопки они становятся уже плохими. Я не переношу этого — ходить в холодные дни в одних башмаках без чулок.

Я очень довольна, что ты работаешь при кухне. По крайней мере, всегда будет что поесть. Я хотела послать тебе посылочку, но на Восток их не принимают. Принимают только не свыше ста грамм, а это почти вес самой коробочки.

С любовью приветствую тебя. Гази.“

Итак, с чулками дело обстоит плохо, и единственная надежда на Россию, а для того, чтобы наверняка быть сытым, надо служить в полковой кухне. Плохо дело и с папиросами. Письмо невестки Гильды из Франклебена солдату, по имени Гайнц, полно меланхолии.

„Франклебен 18.VII—41 г.

Дорогой Гайнц!

Прилагаю пачку папирос. Это немного, но все же они тебя порадуют, я ведь знаю, какой ты страстный курильщик... Ну, теперь о тебе позаботится твоя жена, так как она имеет больше связей среди торговцев сигарами и папиросами. С табачными изделиями

у нас обстоит очень плохо. Перед каждой табачной лавочкой стоят бесконечные очереди людей. Как ты себя чувствуешь? У вас были, наверно, тяжелые бои. Мы здесь на родине не можем себе этого даже представить.

Живем серенько, один день походит на другой. Мы хотели было поехать в Штейермарк, но вопрос упирается в питание, сейчас ведь никто не может принимать гостей.

Сердечный привет,

Твоя невестка Гильда.*

Вот мрачное, почти безысходное письмо невестки Тутти из Ганновериш Мюндена солдату Вилли Франк.

„Солдату Вилли Франк. Полевая почта № 27048.

Ганновериш Мюнден 16.VII—41 г.

Дорогой Вилли!

Твое письмо от 6.VII мы получили и порадовались, что все у тебя обстоит хорошо. Ты пишешь, посланные нами папиросы ты получил. Мы хотели сбрать еще несколько штук, но сейчас достать их совершенно невозможно, женщинам их вообще не отпускают.

Дорогой Вилли, ты наверное очень обрадовался, встретив своего друга Боди. Что ты скажешь по поводу его тяжелого ранения? Сегодня вечером его жена получила извещение, что он тяжело ранен. Из наших мюнденцев многие уже убиты в России.

Например, фон-Ильтен, старший сын Армина и Ватермана, затем некто по имени Якуц из Штейнвега, Бонекамп из Неймюндана, Ланге из ратуши... Младший сын Франкенса из Квестенберга не вернулся из полета в Англию. Да, дорогой Вилли, будь настороже, чтобы ты только вернулся назад здоровым. Война с Россией была для всех нас большой неожиданностью. Муж Гертруды Шмидт, унтер-офицер, тоже ничего не писал с Троицына дня—он танкист.

Тебя приветствует твоя невестка *Тутти*.“

Маленькая практичная Лизль Эм из Мариенберга (Саксония) тоже, в общем, разделяет этот ужас перед войной, но ее интересует еще кое-что и другое. Вот что пишет эта любящая женщина своему мужу ефрейтору Вилли Эм.

„Ефрейтору Вилли Эм. Полевая почта № 27048.
Мариенберг (Саксония).

Дорогой любимый Вилли!

Я надеялась получить от тебя сегодня письмо. О том, что Зейдель убит, ты наверное уже знаешь. В Гильмерсдорфе убит еще один из Уллигов, его мать работала в гостинице. От Otto Вебера, которые тут у нас живут, жена получила телеграмму, чтобы она немедленно выехала в Варшаву, так как он тяжело ранен.

Все это очень тяжко, вот уже три недели как идет война с Россией. Я все собиралась пойти в кино посмотреть недельную

хронику, но нет охоты: у нас теперь по вечерам начинается канонада, я не хочу оставлять Дитриха одного.

Дорогой Вилли, теперь многие из вас находятся уже в России. Уллиг Май прислал уже много шоколада-пралине и купальный костюм для жены и теперь собирается прислать еще пару русской обуви для Гильды.

Мой любимый дорогой Вилли, когда мы снова увилимся? Я уже так соскучилась по тебе! Это будет замечательно, когда война кончится и мы сможем быть снова вместе.

Целую и привет.

Постоянно о тебе думающая *Лизхен*».

К письму приложена мерка пяточки означенной Гильды. Война войной, убитые убитыми, но русские туфельки и шоколад заслоняют перед практической Лизхен остальные события. А главное, этот Уллиг Май, который успел уже прислать жене купальный костюм и шоколад-пралине!

Немецкие жены привыкли, что мужья „дешево“ покупают товары в городах завоеванной Европы. Это делается просто: выпускаются ничего не стоящие военные „марки“, при помощи которых в несколько недель была ограблена Франция... Почему им не повторить этот удачный опыт и в России?

Жена Эльза обращается в письме к своему мужу вахмистру Маршалу с таким страстным призывом достать в России „ре-

зиновый матрац", что стоит привести это письмо полностью:

„Писье 18.VII. 41 г. Вахмистру Рудольфу Маршалу.

Мой дорогой Руди!

Большое спасибо за твоё письмо от 6.VII. 41 г. Что только тебе не пришлось уже пережить! Ведь ты пишешь о прохорте и разрыве снарядов. Это, должно быть, ужасно! Когда я об этом думаю, Руди, меня мороз подирает по коже. Ты совершенно прав, резиновый матрац очень пригодился бы, но у нас их теперь не найдешь. Может быть, представится возможность достать такой матрац в России! Не будь только таким глупцом, каким ты был во Франции. Если тебе представится возможность достать, то поступай так же, как и другие.

Я уже писала тебе, что муж Эмми прислал уже различные вещи домой, но он наверное не на передовых позициях.

Желаю тебе всего хорошего, мой любимый. Горячо целую тебя, твоя Эльза.“

Дома плохо, но еще хуже те вести, которые приходят с фронта. Это посерьезнее, чем нехватка папирос. В каждом, даже самом маленьком немецком городке, ведут счет потерям. Нет почти ни одной семьи, в которой кто-нибудь не был ранен или убит.

Гитлер объявил сначала, что безопасность Германии потребовала войны с СССР. Далее он пересформировал это заявление:—он воз-

главляет крестовый поход против большевизма. Но практические деловые жены немецких офицеров и солдат простодушно разоблачают в своих письмах истинную цель этого похода: грабить, добывать все, что плохо лежит, отправлять из завоеванных стран посылки любящим женам, ибо в дорожном отечестве нет папирос, нет обуви, нет чулок, нехватает продовольствия, зато в изобилии есть списки мертвых, разочарование, усталость и разоблачаемый с каждым часом истинный смысл этой войны.

Почта свежая, конверты не разорваны, письма адресатам не доставлены, полевая почта разгромленной немецкой части №27048. Все письма этих Лизхен и Эльзи могли бы ныне адресаты прочесть на страницах нашей печати, если бы адресаты эти были живы.

КРАСНЫЙ КРЕСТ ПО-НЕМЕЦКИ

Красный крест, как известно, является международным знаком милосердия. Красный крест означает, что страдающему раненному или больному человеку оказывается медицинская помощь. Красный крест означает, что медицинская помощь оказывается и раненному противнику.

Немецкое командование понимает это дело несколько иначе. Для него Красный крест—только узаконенная форма добивания раненых, уничтожения больных, глумления над медицинским персоналом. С беспримерной жестокостью они уничтожили госпи-

тальное судно „Сибирь“, полное раненых, детей и женщин.

Перед нами приказ штаба 49 армейского корпуса от 28 августа 1941 г. Приказ этот носит название:

„Относительно медицинской помощи русским раненым пленным“.

Вот этот приказ, написанный в порядке неслыханного глумления и цинизма и обрекающий раненых красноармейцев на фактическое уничтожение.

„Штаб корпуса 49 (гори. АК). Штаб кв. 23.8. 41 г.

Медицинская помощь русским раненым пленным регулируется следующим образом:

Медицинская помощь русским пленным на поле боя может оказываться только после того, как будет оказана помощь своим раненым и последние будут эвакуированы.

Помощь должна ограничиваться, главным образом, успокоением боли и перевязкой. Но и эта помощь оказывается при условии, если в наличии имеются в достаточном количестве лекарства и перевязочные средства. Оценка наличия медикаментов должна производиться с учетом собственных потребностей в дальнейших боевых операциях, а также и возможности подвоза санитарного имущества. Для этой цели в первую очередь нужно использовать трофейное имущество (медицинское).

Транспортировка русских раненых с поля боя до перевязочных пунктов в санитарных машинах санитарных частей дивизии запрещается. Транспортировка должна осущес-

ствляться самими же пленными, которые относят раненых, или последние отвозятся на трофейных грузовиках.

На главных перевязочных пунктах раненых пленных класть отдельно. Уход за ними производится в соответствии с п. I настоящего приказа.

При возникновении необходимости срочного расформирования главного перевязочного пункта и когда эвакуация раненых становится невозможной, нужно сдавать их на попечение гражданскому населению (бургомистра, сельского старшины и т. д.), а легко раненых направлять в лагерь военно-пленных.

Подпись: *Кюблер*».

Перевязывать раненых с учетом потребности в медикаментах для будущих боевых операций... Это значит—никогда не перевязывать раненых, ибо, кто знает, сколько этих „операций“ еще предстоит.

Предоставить раненым самим перетаскивать друг друга—это значит, что и тяжело раненые и легко раненые на этом деле испытают равную участь, то есть, попросту погибнут.

Ну, а вот в случае срочной эвакуации— сдавать раненых „гражданским властям“... Наши войска уже находили таких „сданных“ раненых—только пристрелянными или прирезанными...

ПОСМЕРТНОЕ УТЕШЕНИЕ

„15.7.1941 г.

Мой дорогой господин Дролле!

На мне, как на командире роты, лежит сегодня тяжелая и печальная обязанность сообщить Вам о геройской смерти Вашего сына. Он пал на поле битвы под Бердичевом. Пуля в сердце вызвала мгновенную смерть. Он умер без страданий. Рота похоронила его на кладбище в Бердичеве.

Выражая Вам от имени роты и одновременно мое глубокое сочувствие. В лице Вашего сына мы потеряли храброго, образцового солдата и товарища, который с полным сознанием и большим мужеством защищал великую задачу, поставленную перед нами нашим любимым вождем.

Уверенность, что Ваш сын отдал свою жизнь для могущества и существования народа, вождя и страны, послужит утешением в постигшем Вас горе.

Передаю Вам свой привет.

С искренним сочувствием

Капитан и командир роты (подпись)*.

Это письмо, полное лицемерного сочувствия, заготовлено в Берлине. Текст на случай возможных потерь в полку стандартно сfabрикован заранее. Остается проставить имя убитого, место происшествия и дату. Не знаем, как поступают командиры полка в тех случаях, когда полк истреблен полностью. Надо полагать, что этот траурный

акт малоутешительного сочувствия осуществляют командиры соседних частей.

Вообще есть разнообразные способы, как утешить немецкого солдата загробным сочувствием, надеждой на вечную жизнь, которую он обретает при помощи фюрера, или мемориальной памяткой с евангельским текстом.

Например, ефрейтор Франц Кракке был убит в бою под Барановичами. Незамедлительно появляется следующая, аккуратно напечатанная памятка. На первой страничке распятый Христос с плачущими девами вокруг, на обороте портрет самого Кракке, в аккуратной ефрейтбрской форме. Далее в траурной рамке извещение:

„На воспоминание в молитве о господине Франце Кракке, сыне крупного землевладельца в Гиллесхайме в округе Майнца, павшем смертью героя за отчество на 23 году жизни 26 июля 1941 года. Господин Франц Кракке был ефрейтором саперного батальона 130 полка“.

Далее следуют незамысловатые стишки:

Процветай, возлюбленный отчий дом,
Живите хорошо вы, любимые, близкие.
Не плачьте, так пожелал господь,
Чтобы судьбой моей была солдатская смерть.
Я охотно последовал зову отца,
Я истекал кровью на далекой чужбине,
Это враг закончил мою жизнь на одиноком посту.
Я вас покинул в полном здравии, мои дорогие,
Но сохраните меня в своем сердце...

И, наконец, на последней страничке моли-

тва и цитата из декрета папы Пия X об отпущении грехов.

Все. Убитый может спокойно пропутешествовать в иное царствие, командир роты послал стандартное сочувствие родителям, для назидания выпущена памятка с текстом духовного содержания.

Так утешают немецких солдат, полками и дивизиями ложащихся на наши плодородные земли.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Путеводитель	5
Они фотографируют	8
Мед и пчелки	11
Мародеры	14
Труды и дни ефрейтора Мартина Лейхнера	17
Запоздавшие птицы	20
Говорящее письмо	24
Письма Лизхен	29
Красный крест по-немецки	35
Посмертное утешение	38